

— Отдыхай пока в курятнике, А-Мэй. Твой хозяин мигом найдёт тебе суженого.

Ли Сяосяо бережно погладил несущку по пёстрой спинке. Стоило той успокоиться и пригладить вздыбленные перья, как юноша с довольной улыбкой поднялся на ноги.

Приятный утренний сюрприз в виде новой пернатой «помощницы» не мог не радовать, однако второй «работник» курятника куда-то бесследно запропастился. Ну куда это годится? Ли Сяосяо всей душой надеялся поскорее свести А-Фэя и А-Мэй вместе, дабы те приглянулись друг другу и обзавелись потомством.

Мечтать, конечно, не вредно, да только суровая реальность быстро спустила его на землю. А-Мэй оказалась непомерно жирной. Чтобы дело пошло на лад, Ли Сяосяо предстояло первым делом посадить её на строгую диету. Иначе, даже если А-Фэй исполнит свой супружеский долг, эта толстушка попросту не сможет нести яйца.

Появление А-Мэй в их доме означало лишь одно: прежние хозяева списали её со счетов как никуда не годную отбраковку. И дело тут вряд ли ограничивалось преклонным возрастом — ведь вчера Ли Сяосяо особо просил Старину Ли выбирать несущек не старше двух лет. Скорее всего, прожорливая птица просто упрямо отказывалась нестись, за что её и выставили за порог. В самом соку, на пике яйценоскости, здоровая курица — сокровище для любого двора, и добровольно расстаться с ней могли только в крайнем случае.

Именно благодаря этому Ли Сяосяо и улыбнулась удача заполучить её в свои владения. Прежние владельцы наверняка не раз подрезали бедняжке заплывшую жиром гузку, пытаясь заставить её нестись. Если там уже живого места не осталось, придётся действовать мягче — пересмотреть рацион питания и позволить А-Мэй похудеть естественным путём.

Пусть дело это небыстрое, зато птица не погибнет от бесконечных и опасных хирургических вмешательств. Здоровье подопечной для Ли Сяосяо стояло на первом месте, ведь А-Мэй была всего лишь вторым полноценным сотрудником на его зарождающейся птицеферме.

Миновав центральную залу, Ли Сяосяо подошёл к переднему дворику. Оттуда доносился весёлый гомон детских голосов, добродушный смех Старины Ли и залиvistое, паническое кудахтанье.

— Прадедушка! Прадедушка! Цанцан такой храбрый! Сам махонький, а дерётся ух как! — восторженно пищал Эрбао.

— Прадедушка, Цанцан слишком злой... Смотри, сколько перьев во все стороны летит, — с

явной тревогой в голосе добавил Сыбао.

— Деда, бою-у-усь... — захныкал крохотный Любао, которому не исполнилось ещё и трёх лет. Нешуточный напор разбушевавшегося Цанцана напугал малыша.

— Ну-ну, Любао, маленький мой, не плачь, — посмеиваясь, принялся утешать правнука Старина Ли. — Прадедущка рядом, Цанцан вас ни за что не обидит!

Слыша этот тёплый, согревающий душу разговор, Ли Сяосяо невольно заулыбался.

«А старик-то умеет ладить с малышнёй!»

В этот миг голос вечно ворчливого и громогласного Старины Ли звучал так мягко, словно тёплое молоко. Кто бы мог подумать, что этот суровый крестьянин способен на такую нежность.

Увы, стоило Ли Сяосяо ступить во двор, как улыбка мгновенно сползла с его лица, сменившись выражением глубочайшего потрясения.

— Отец! — в ужасе закричал он, срывая голос. — Зачем ты притащил А-Фэя в передний двор?! О боги, спасите А-Фэя, Цанцан же его сейчас до смерти заплюёт!

И впрямь: от бывшего величественного облика первого красавца курятника не осталось и следа. Некогда холёный, горделивый А-Фэй сейчас напоминал ободранный веник. Он с позором метался по двору, а наступающий ему на пятки Цанцан безжалостно разил его клювом в хвост и в гриву.

А-Фэй превосходил своего мучителя размерами раза в полтора, но толку от этого веса не было никакого. Цанцан превосходил его в ярости и боевом мастерстве на голову, буквально размазывая бедного петуха по земле и заставляя перья разлетаться пушистыми облачками.

Пока Ли Сяосяо прорывался к месту этого неравного побоища, Старина Ли преспокойно стоял в стороне, заслоняя собой притихших ребятишек, и увлечённо шушукался с маленьким Любао, даже не думая вмешиваться.

«Ну ладно же... Хочешь сделать хорошо — сделай сам!»

Мысленно махнув рукой, Ли Сяосяо перехватил стоявшую у стены бамбуковую жердь и бросился на выручку. Действовать приходилось ювелирно: аккуратно, стараясь не повредить задиристого Цанцана, он подцепил его концом шеста и бесцеремонно ссадил со спины поверженного соперника, где тот уже готовился праздновать триумф.

Иной выбор у него вряд ли имелся. Покалечь он любимца матушки-гэера — и пиши пропало. Мало того что А-Фэй, которого Ши-ши пренебрежительно величал «красивой пустышкой», лишился бы последних перьев, так ещё и самому Ли Сяосяо досталось бы на орехи так, что уши бы неделю горели.

— Отец!!! — в сердцах выдохнул Ли Сяосяо. Обернувшись, он обнаружил, что старик вместе с оравой правнуков по-прежнему покатывается со смеху. Это переполнило чашу терпения.

Вот же старый проказник! Неужели он нарочно приволок бедного А-Фэя сюда на растерзание, просто чтобы развлечь малышню зрелищем петушинных боёв?

— Ой, наш Сяо Ци, кажется, не в духе... — пробормотал Старина Ли.

Наткнувшись на грозный взгляд младшего сына, старик смекнул, что шутки кончились. Поспешно суетясь, он сцапал рвущегося в бой Цанцана, который всё ещё сердито топорщил крылья и норовил обойти бамбуковую преграду. Старина Ли виновато кашлянул, надеясь, что изоляция зачинщика драки смягчит гнев Сяо Ци.

Встретив этот заискивающий, по-детски преданный взгляд отца, Ли Сяосяо вспомнил про новенький добротный курятник на заднем дворе и притихшую там А-Мэй. Злость как рукой сняло.

«Ладно уж, бог с тобой!»

В конце концов, прадедусшке положено баловать правнуков. Негоже устраивать семейные сцены из-за того, что один из «сотрудников» птицефермы слегка растерял былой лоск.

— Отец, — сокрушённо вздохнул юноша, покачав головой. — А-Фэй, конечно, трусоват, но он у меня единственный петух-производитель на всю ферму... Пожалуйста, если в следующий раз захочешь устроить представление для детей, выбери кого-нибудь другого.

Если А-Фэй заработает душевную травму и окончательно лишится мужской гордости, о продолжении куриного рода можно будет забыть. Бережно подняв потрёпанного беднягу на руки, Ли Сяосяо тщательно осмотрел его перья. К счастью, птица отделалась лишь парой лысых проплешин на загривке да уязвлённым самолюбием — серьёзных ран и крови не обнаружилось. Юноша облегчённо выдохнул.

— Кстати, отец, я уже заглядывал в сад. Курятник просто загляденье! А несушка — именно такая, о какой я мечтал. Ты у меня настоящий волшебник: всего за одну ночь управился и с постройкой, и с птицей!

Подойдя ближе, он прижал к себе притихшего петуха и ласково улыбнулся отцу, стараясь загладить недавнюю резкость. Слишком уж громко он прикрикнул сгоряча — старик даже

растерялся.

Посмотрев на него, он чуть склонил голову набок:

— Ты так заботишься обо мне... У меня прямо сердце тает. Спасибо тебе огромное, папа.

Он продолжал щебетать, расточая комплименты и благодарности, пока у самого не пересохло в горле.

— Ладно, Цанцан всё ещё кипятится — видать, думает, что этот бедолага покусился на его территорию. Ты подожди меня тут, я быстро отнесу А-Фэя в курятник, устрою его поудобнее, а потом вернусь, и мы спокойно поболтаем.

Убедившись, что Старина Ли перестал хмуриться, Ли Сяося погладил притихшего А-Фэя по помятым перьям и поспешил к выходу из двора.

«М-да, затворникам всё же лучше сидеть дома и не высовывать носа на улицу», — философски рассудил он по дороге.

Цанцан мало того что отличался скверным нравом, так ещё и дрался как заправский разбойник. Трусливому А-Фэю крупно повезло, что он вообще унёс ноги от этой грозы всей округи.

<http://bllate.org/book/20616/2181745>